

— Да нигде, — выдохнул Чжуан Лин. Он дышал обжигающе горячо, выдавая крайнее возбуждение.

— Не ври мне. Где болит? — Хань Хэн окончательно растерял весь любовный пыл. — Ещё не хватало кувыркаться с калекой. Куда прилетело?

Его голос едва заметно дрожал от неосознанной, но глубокой тревоги.

Чжуан Лин раздосадованно вздохнул и посильнее притиснулся к нему в тесноте каменного мешка.

— Правда, пустяки. Так, шею сзади немного оцарапало.

«Точно?»

Вспоминая тот жуткий обвал, когда на них в один миг рухнула лавина из камней и грязи, Хань Хэн сомневался. Сам он не мог даже пошевелить одной рукой, а спина горела огнём от ссадин — хотя в темноте масштаб бедствия оценить было невозможно. Чжуан Лин, конечно, куда крепче и ловчее, закалён в бесконечных сражениях и видывал вещи похуже, так что, возможно, действительно отделался лёгким испугом.

— Но мне ведь больно, — негромко, с непривычной мягкостью пожаловался Чжуан Лин.

Хань Хэн так и замер. Чжуан Лин никогда не отличался нежностью, но этот вкрадчивый, почти просящий шёпот заставил его сердце пропустить удар. В груди сладко защемило, пробуждая острое, нестерпимое желание коснуться его всем телом.

Судорожно облизав пересохшие губы, Хань Хэн растерянno пробормотал:

— Ну и... где именно болит?

— Вот тут, — Чжуан Лин приник лбом к его макушке, и его голос, хриплый от сдерживаемой страсти, опустился до шёпота: — Если прямо сейчас не кончу, у меня яйца лопнут.

— Ну ты и жеребец похотливый, — выругался Хань Хэн, но всё же попытался повернуться, преодолевая тесноту.

Время потеряло счёт. Наконец Хань Хэн шумно, облегчённо выдохнул и уставился невидящим взглядом в глухую черноту.

— Ну как, полегчало?

Виновник его смущения умудрился задать этот издевательский вопрос, заставив Хань Хэна пожалеть, что сквозь землю нельзя провалиться ещё глубже. Оказаться заживо погребёнными и предаваться плотским утехам — абсурд библейского масштаба. И надо же было ему самому стать участником этого безумия.

— Сам будто не чувствуешь, — буркнул Хань Хэн.

— Подвинься ближе, — ласково попросил Чжуан Линь.

Переведя дух, Хань Хэн с трудом подполз выше, пока не коснулся щеки мужчины. Они одновременно потянулись друг к другу, сливаясь в глубоком, упоительном поцелуе, жадно впитывая дыхание и тепло чужого тела.

Хань Хэн растворялся в этом ощущении. Он обожал эти поцелуи — ленивые, нежные, венчающие близость. Мужественный, терпкий запах Чжуан Линя, дарующий чувство абсолютной безопасности, окутал его сонной, блаженной истомой.

Оторвавшись от его губ, Хань Хэн негромко вздохнул. Он с трудом отвёл взгляд от блестящих в полумраке глаз Чжуан Линя и посмотрел ему за плечо — туда, где простиралась бесконечная, давящая мгла.

— Когда уже рассвет?

Воздух под землёй становился всё более спёртым. Насыщенная сыростью и гнилостным запахом тина взвесь вызвала удушливую тошноту. К тому же Хань Хэна начал изводить голодный спазм. Наощупь найдя узел с вещами, он сквозь тонкую ткань нащупал поломанные, раскрошившиеся лепёшки.

— Будешь есть? — спросил он Чжуан Линя.

— Снаружи, должно быть, уже утро, — ровный, глубокий голос Чжуан Линя действовал отрезвляюще. — Покорми меня. Я знатно проголодался после такой... разминки.

Хань Хэн невесело усмехнулся:

— Тоже мне, труженик. Ты же пальцем не пошевелил.

— Если бы руки не затекли, я бы так просто не остановился...

Не дав Чжуан Линю договорить пошлую шутку, Хань Хэн бесцеремонно заткнул ему рот куском сухой лепёшки. При этом он сильно ударился локтем об острый край каменного свода. Сустав обожгло резкой болью, но Хань Хэн даже не поморщился — жаловаться всё равно некому.

Вторая его рука давно онемела, отзываясь лишь редкими глухими прострелами.

— Ну и сухомятка, — с трудом прожевав и проглотив кусок, пробормотал Чжуан Лин.

Воды не было. Кажется, дождь на поверхности наконец прекратился — земля вокруг больше не сочилась влагой. Лепёшка намертво липла к нёбу, на зубах скрипел песок. О кукурузных пампушках и думать не хотелось: сухие и жёсткие, они и в лучшие времена вставляли поперек горла.

— Подержи во рту, размокнет, — пробормотал Хань Хэн.

Так, делясь крохами, они одолели половину лепёшки.

— Открой рот, — прошептал Чжуан Лин, коснувшись кончиком носа его лица.

Хань Хэн послушно приоткрыл губы, встречая новое прикосновение. Чжуан Лин проник языком внутрь — неторопливый, ласкающий, дразнящий самые чувствительные точки. Вновь вспыхнул жар, дыхание спуталось. Хань Хэн тихо, сдавленно застонал. Слюна, спасавшая пересохшее горло от жажды, омыла рот и тонкой струйкой скользнула по подбородку.

Хань Хэн окончательно обмяк. Когда Чжуан Лин неохотно отстранился, Хань Хэн тихо выдохнул хриплое «блядь», пытаясь унять бешеный стук сердца, и уткнулся лицом в шею мужчины, вытирая влажные следы.

— Как только выберемся, отмоюсь до костей, — пожаловался Хань Хэн. — Этот ублюдок меня из кареты днями не выпускал. Спал там, жрал, нужду справлял... Чувствую себя помойной крысой.

— Вернёмся — сам тебя вымою, — многозначительно пообещал Чжуан Лин.

— Сначала вылезти надо.

«Сначала вылезти надо...»

В душе Хань Хэна копошился липкий страх, но озвучивать его он не стал. Когда оба висят на волоске, паника — худший враг. По его ощущениям, с момента катастрофы прошло уже несколько часов. Вокруг по-прежнему царила кромешная тьма, и это пугало. Было два варианта: либо их засыпало слишком глубоко, и тогда спасателям будет чертовски трудно определить их точное местонахождение, либо Чжуан Лин ошибся со временем, и ночь всё ещё тянется. Но даже при свете дня раскопать такую грудку обломков — задача почти невыполнимая.

Неизвестность угнетала сильнее всего.

Самый страшный кошмар — это когда не знаешь, чего ждать.

Но Хань Хэн молчал. Чжуан Лин, будучи опытным воином, понимал это куда лучше, и раз уж он держался, то и Хань Хэну раскисать не следовало. Нытьё лишь подпитает ужас, а толку от него никакого.

Время тянулось невыносимо медленно. Каждая секунда врезалась в память с пугающей чёткостью. Тошнота подкатывала к горлу — то ли от спёртого воздуха, то ли от этого жуткого склепа, пропахшего сырой могильной землей и неминуемой гибелью.

Тишину нарушил негромкий голос Чжуан Линя, позвавшего его по имени. Хань Хэн слабо отозвался.

— Что такое?

— Да просто так. Хотел услышать твой голос.

Услышав этот почти детский ответ, Хань Хэн тихо рассмеялся:

— Живой я, живой.

— Я не позволю тебе умереть раньше меня.

«Не позволит...»

Раньше подобные громкие заявления Чжуан Линя вызывали у Хань Хэна лишь скептическую усмешку. Он не понимал их и не верил им. В его картине мира отношения заводились ради взаимного удовольствия и лёгкости, а не ради бесконечной драмы и преодоления трудностей. Если бы ему, эгоистичному по своей природе Пэй Цзя, брошенному всеми в прошлой жизни, предложили любовь ценой смертельной опасности, он бы бежал без оглядки.

Но это дурацкое перемещение во времени перевернуло всё с ног на голову.

Случайная встреча, спасение из лап смерти, приют в Саду Сюэ, настойчивые, порой бесцеремонные ухаживания Чжуан Линя — всё покатило по накатанной колее, почти не оставив ему выбора. Конечно, он мог проявить гордость, уйти и попытаться выжить самостоятельно. Но зачем усложнять себе жизнь? Человек — существо социальное, в одиночку не выжить. Годы работы в шоу-бизнесе научили Пэй Цзя простой истине: твоя судьба напрямую зависит от тех, кто тебя окружает.

Да, Чжуан Лин ограничил его свободу. Но взамен он дал нечто несоизмеримо большее — испепеляющую, искреннюю страсть и преданное сердце.

К тому же этот мир был чертовски опасен. Здесь человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша: одно слово облечённого властью господина — и тебя нет. И это в мирное время, не говоря уже о капризах природы или резне на полях сражений.

С тех пор как старина Чжу заподозрил в нём Государственного наставника Великой Лян, спокойная жизнь закончилась навсегда. Вокруг него с пугающей регулярностью начали появляться люди, наделённые сверхъестественной силой. Едва ли это можно назвать простым совпадением.

Сделав глубокий вдох спёртого, затхлого воздуха, Хань Хэн негромко произнёс:

— И я не дам тебе умереть раньше меня.

Он попытался придать голосу максимальную серьёзность, хотя внутренне понимал, что это звучит как банальное кокетство. Чёрт его знает, хватит ли у него мужества сдержать это обещание.

Впрочем, кто из нас не любит красивые клятвы?

Они ведь вроде как пара. И пусть эти вечные обеты отдают фальшью, без них в любви никуда — законы жанра обязывают.

Когда тишина вокруг грозила сделаться гнетущей, откуда-то сверху донёсся глухой, ритмичный стук.

Хань Хэн резко вскинул голову и спросил дрожащим от волнения голосом:

— Твои люди?

— Кажется, они. Тихо, не шевелись, — Чжуан Лин прислушался, напрягая каждый мускул.

Хань Хэн замер, боясь даже вздохнуть. Когда лёгкие уже начали гореть от нехватки кислорода, сквозь толщу завала до них наконец долетели отчётливые, ни с чем не сравнимые звуки лопат и скребков.

Копали совсем рядом, пусть и немного в стороне от их склепа.

В порыве безумной радости Хань Хэн потянулся вверх и крепко поцеловал Чжуан Линя. Не

будь его рука парализована, он сжал бы мужчину в сокрушительных объятиях, а будь здесь чуть больше места — с удовольствием завалил бы его прямо на месте.

Осознание того, что они спасены, наполнило его сумасшедшей, бурлящей энергией, требующей немедленного выхода.

— Осторожнее, не дёргайся, — осадил его Чжуан Лин.

Вибрация от ударов передавалась на свод над ними, и Хань Хэн почувствовал, как мелкие камушки и земля начинают осыпаться на лицо.

— Понял, замер.

Чжуан Лин крепко сжал его ладони.

В покалеченной руке вспыхнула невыносимая боль. Будь здесь хоть немного света, Чжуан Лин ужаснулся бы, увидев, как исказилось судорожным оскалом лицо Хань Хэна. В этот момент он искренне радовался спасительной темноте.

Сквозь узкую щель между валунами пробился первый робкий луч света. Хань Хэн заворожённо уставился на него. Слой накрывшей их земли был колоссальным. Не окажись они по счастливой случайности в этом тесном каменном кармане размером два на три метра, они задохнулись бы ещё в первые полчаса.

— Всё хорошо, нас нашли! — радостно воскликнул Хань Хэн, повернувшись к Чжуан Линю. Он изо всех сил закричал, зовя за валом Цзячу. Заслышав далёкий отклик, Хань Хэн с облегчением перевёл взгляд на своего защитника.

И в то же мгновение он замер от ледяного ужаса.

— Чжуан Лин? — Хань Хэн дрожащими пальцами коснулся сомкнутых век мужчины.

Свет проникал в расщелину всё ярче, и с каждым мгновением паника накрывала его с головой. Чжуан Лин лежал неподвижно, словно труп, не реагируя на прикосновения. Он был мертвенно бледен, а губы, ещё недавно дарившие ему горячие поцелуи, теперь были землисто-серыми.

Хань Хэн смутно помнил, как их вытаскивали. Разум заволокло плотным белым туманом.

Когда Цзячу и его люди общими усилиями сдвинули огромный валун, Хань Хэн наконец понял, почему Чжуан Лин во время их заточения почти не двигался, а редкие шевеления давались ему с таким трудом. Мужчина заменял собой живую подпорку. Уперевшись руками и ногами в твёрдый грунт, он буквально выстроил над Хань Хэном защитный купол из собственного тела.

А на его спине лежала плоская, неподъёмная каменная глыба, едва державшаяся вторым концом на соседнем уступе. Лишь благодаря этой невероятной, нечеловеческой выдержке Хань Хэн остался жив.

За долгие часы мышцы Чжуан Линя одеревенели, превратив его в безжизненную, окоченевшую опору.

Как только страшный гнёт убрали, раненый слабо шевельнул веками и конвульсивно дернул пальцами. Вслед за этим всё его тело забилося в затяжной, мучительной судороге.

Даже находясь в полузабытьи, его организм реагировал на запредельную, адскую боль.

И шею он вовсе не «ощарапал». Вся спина воина превратилась в сплошное кровавое месиво. Вид ободранной до костей багровой плоти резанул Хань Хэна по глазам с такой силой, что дыхание перехватило, а сердце сжалось от невыносимой боли.

Вероятно, эти жуткие раны он получил ещё во время первого толчка, либо когда укрывал его при повторном обвале, пытаясь развернуться в тесной щели.

Ошмётки одежды намертво впеклись в рваные раны, перемешавшись со свернувшейся кровью и грязью. Хань Хэн в панике кричал, звал его по имени, но Чжуан Лин не подавал признаков жизни.

Люди поспешно уложили раненого лицом вниз на походные носилки.

Хань Хэн оцепенел. Лица суетящихся вокруг людей расплывались перед глазами, а их голоса сливались в глухой, неразборчивый гул.

В голове не укладывалось: этот уроженец иной, жестокой эпохи не задумываясь отдал за него жизнь, до последнего вздоха исполняя своё обещание. В то время как сам Хань Хэн отшучивался и давал пустые, ни к чему не обязывающие клятвы, Чжуан Лин ставил на кон всё, что у него было.

От этого осознания земля ушла у Хань Хэна из-под ног. Забыв о собственной боли и сломанной руке, он яростно оттолкнул пытавшегося осмотреть его лекаря, едва не повалив того на землю.

Шатаясь, он ринулся к носилкам. Но коснуться Чжуан Линя не решился — на теле мужчины просто не осталось живого места. Вся спина, поясница и бедра были истерзаны, одежда пропиталась кровью до последнего лоскута.

— Слышишь ты, защитник хренов! — сорвался на истошный крик Хань Хэн, его глаза налились кровью. — И как ты меня теперь защищать собрался, а?! Какого чёрта ты вообще полез?! Да нахрен мне не сдалась твоя забота! Я что, безрукий инвалид по-твоему?! Кто тебя просил

подставляться, придурок?!

Он орал, не разбирая слов, захлебываясь слезами и яростью. Если бы он не выплеснул этот скопившийся в груди ужас прямо сейчас, его собственное сердце разорвалось бы на части.

Цзячу с силой оттащил обезумевшего от горя Хань Хэна в сторону и командовал немедленно спускать носилки с горы.

Хань Хэн попытался бежать следом, но подкосившиеся ноги не держали его. Цзячу крепко перехватил его поперек туловища и несколько раз сильно встряхнул.

Поскольку это не помогло вернуть мужчину в чувство, Цзячу коротко, безжалостно влепил ему пощёчину. Хлёсткий удар заставил Хань Хэна сфокусировать блуждающий взгляд.

— Молодой господин выкарабкается, — глухо, но твёрдо произнёс Цзячу, хотя его глаза тоже лихорадочно блестели от сдерживаемых слёз. — Он пожертвовал собой ради вашего спасения. Позвольте лекарю осмотреть вас. Если господин придёт в себя и увидит, что вы пострадали, мне не сносить головы за то, что недоглядел.

Этот суровый, непреклонный тон воина возымел действие. Хань Хэн затих и устало провел ладонью по лицу, размазывая налипшую грязь со слезами и кровью. Сейчас он, должно быть, выглядел как настоящий выходец из преисподней.

— Лекарь Ли, займитесь господином, у него повреждена рука.

Лекарь, которого Хань Хэн давеча оттолкнул, послушно подошёл ближе. Он наспех обработал и перевязал самые глубокие раны, после чего настоятельно рекомендовал уложить Хань Хэна на вторые носилки и спускать следом.

Весь путь вниз Хань Хэн провел в каком-то полубытии. Перед мысленным взором неотступно стояла истерзанная спина Чжуан Линя и пропитавшееся кровью ложе носилок. Сколько же крови он потерял? И как... как он умудрялся в таком состоянии непринуждённо шутить, успокаивать его и не показывать даже вида, что умирает от боли? Неужели этот сумасшедший действительно совершенно не боялся смерти?

Глубокое потрясение граничило со священным трепетом. Внутри Хань Хэна не осталось больше никаких чувств — лишь глухая, всеобъемлющая пустота, сковавшая всё его существо.